

Шел первый акт оперы Узеира Гаджибекова «Кероглу». Уже отзвучала полная скорби, гнева и ненависти в угнетателях песни крестьян, совершил свое неслыханное злодеяние Гасанхан... На лицах зрителей — ожидание, беспокойство. И вот стремительно появился он, народный герой — высокий, статный, молодой богатырь. Всплеск настояренных аплодисментов.

Но первые же звуки «Сени гердум, ашиг олдум», пропетые дебютантом, прогоняют тени сомнения. Стихия большого, светлого чувства Ровшана, так ярко выраженная в чудесной арии, покоряет, захватывает слушателей. Легко, свободно, без всякого напряжения звучит голос певца и в гневно-монологичном, и, особенно, в труднейшем для исполнения заключительном ансамбле первого акта.

Горячие аплодисменты и возгласы одобрения были признанием «нового Кероглу» — молодого певца Ибрагима Джафарова.

...«Артистом» Ибрагим стал давно. Восемилетним мальчиком он выступал на сцене Большого театра в Москве, где жила долгие годы семья Джафаровых. Он уже тогда был солистом детского хора в операх «Кармен» и «Пиковая дама». Может быть, мальчик и продолжил бы свои занятия музыкой дальше, если бы не война. «До песен ли теперь, когда немцы совсем рядом», — и восьмиклассник пошел учиться в авиационный техникум.

Шли годы. В 1944 году Ибрагим Джафаров стал работать на заводе. Кончилась война, жизнь стала входить в обычную колею. Снова засел Ибрагим за книги, напряженно занимался по вечерам: этого требовала работа инженера-конструктора. Но неодолимая тяга к пению привлекает его и коллектив художественной самодеятельности, где вскоре он выступает в любительском спектакле — опере «Мельник, колдун, обманщик, сват».

На слушателей — товарищей по ра-

На путях к овладению мастерством

боте — он произвел большое впечатление. Завод дал ему направление в училище имени Гнесиных, где он проучился несколько лет, а затем, не порывая с заводом, продолжал свое образование уже в институте Гнесиных у опытного преподавателя Г. Г. Алена. Только на последних курсах, когда очень уж много времени стали отнимать занятия вокалом и когда он убедился в своем призвании, Ибрагим ушел с завода. За год до окончания института на Московском конкурсе вокалистов Джафаров получил вторую премию. С тех пор молодого певца стали все чаще и чаще включать в бригады мастеров искусств, выступавших в филармонии, по радио и телевидению.

Узнали о нем и в Азербайджанском оперном театре, пригласили. Ибрагим с радостью приехал в Баку, на родину своего отца. И вот он предстал перед художественным советом театра. Послушать нового певца в зале собралось чуть ли не весь коллектив. С легкостью, извеществом и глубиной исполнил он на итальянском и русском языках несколько сложнейших оперных арий. Собравшиеся горячо аплодировали ему. А это много значит — оценка коллег, товарищей по искусству. Джафаров был принят в труппу.

Вскоре ему поручили партию Балаша в декадном спектакле «Севилья». За короткий срок певец сумел освоить своеобразный мелодический стиль композитора, особенности азербайджанской оперной музыки. С большим успехом выступил он в этом спектакле на сцене Большого театра. Еще перед декадой начал готовить он и партию Кероглу. Она была чрезвычайно сложна, ее высокая tessitura создавала непреодолимые препятствия для

певцов. Многие годы один лишь народный артист Советского Союза Биль Биль блистал в этой роли. Нет, не так просто и не так скоро отважился Ибрагим Джафаров выступить. Долго присматривался на репетициях и прославленному певцу, напряженно работал, искал. Только недавно состоялся его дебют в этой опере: он решился, наконец, показать плоды своего многомесячного труда.

• • •

В Азербайджанский театр оперы и балета ехал на гастроли известный югославский баритон. Он мог выступить лишь в опере Ж. Бизе «Кармен». Что же делать?

Больше года опера «Кармен» не шла на сцене, ее вообще уже сняли с репертуара. Как быть? — волновались в театре. Что ж, спектакль нужно срочно восстанавливать. Новые заботы об оформлении, освещении. Начал репетиции дирижер Афрасиёв Бадалбеёли. Стал заниматься с артистами режиссер Султан Дадашев. Вспоминали партию Кармен — И. Карасева, Микаэля — М. Титаренко, Цунити — Р. Трифионов. Но нет Хозе!

В дирекцию был вызван Гусейн Аляев.

— У вас десять дней. Сумеете подгото-

вить партию?

Певец задумался — справится ли он, времени до смешного мало. Но партия такая яркая, увлекательная, он давно мечтал ее спеть. И согласился.

Буквально день и ночь работал он. И вот уже хорошо звучат у него и ариозо первого акта, и ария «Цветок, что ты мне подарила», и дуэты с Кармен. Но пока — это лишь сочетание вокальных номеров, правда, эмо-

ционально спетых. Надо сплавить их в единое целое, органически соединить в образ. Начались поиски характера. С большой радостью откликнулась на просьбу певца помочь ему народная артистка республики Фатма Мухтарова. Опытная актриса, прекрасно чувствующая характер оперы Бизе, в свое время создавшая неподражаемый, удивительно колоритный образ Кармен, направляла искания молодого певца.

А сколько было переживаний, когда наступил день спектакля. Акт за актом уверенней звучал его голос. Перед зрителем предстал темпераментный испанец, неистовый в своей любви и ревности.

...Так же, как и Джафаров, Гусейн Аляев вырос далеко от Азербайджана, в Казани. Здесь он школьником ходил на занятия в хорыне кружок, здесь выступал на ученических вечерах. Увлекался военным делом, поступил в летную школу. Нравилась ему романтическая профессия летчика. Но с не меньшим удовольствием Гусейн продолжал заниматься в кружке художественной самодеятельности учащихся, руководил хором коллективом. Увлечение вокалом взяло верх. Успешно сдав он приемные экзамены, стал учиться в Казанской консерватории. Он был еще студентом, когда его пригласили на работу в Азербайджанский театр оперы и балета. Он был самым молодым солистом театра. С первых же дней Гусейн Аляев стал готовить роль Кероглу. Второй его большой работой была партия Хозе.

• • •

Есть немало нетерпесного, яркого в творчестве двух молодых актеров театра. Но есть еще и пророчьи, промахи. Может быть, не до конца раскрыт многогранный облик Кероглу у Ибрагима Джафарова, может быть, недостаточно социально заострен образ Хозе у Гусейна Аляева. Но настоящая, подлинная глубина еще придет, придет через неутонченные искания, большой напряженный труд.

С. ПАХОМОВА.

БАКИНСКИЙ РАБОЧИЙ

г. Баку

20 НОЯ 1959